

Шарамозов М. Н.
(Ферапонтово)

Местные иконы церкви Преображения Кирилло-Белозерского монастыря

Тема настоящего выступления есть результат попыток понять сообщение первой описи Кирилло-Белозерского монастыря о количестве местных образов в церкви Преображения.

«В церкви Преображения по правую сторону царских дверей образы местные окладные. Образ местной Преображения Господа и Спаса нашего Иисуса Христа <...> Образ местные Николы Чудотворца, во облаце образ Спасов да пречистые Богородицы <...> По левую сторону царских дверей образы местные окладные. Образ местной Ирины Христовомученицы, по сторонам во облацах два ангела <...> Образ местной Христова мученика Леонтия <...>» (ОР РНБ, Кир.-Бел., 71/1310, л. 166 об. — 168 об.). Далее следует описание царских дверей, деисуса, праздников и пророков. То есть, перед нами традиционное описание иконостаса, ценность которого во многом определяется тем, что, за исключением трех икон, Преображенский иконостас дошел до нас полностью. В середине 1970-х годов бригада И. П. Ярославцева раскрыла иконы верхних рядов, а местные иконы прошли реставрацию в центре имени И. Э. Грабаря.

Благодаря сохранности комплекса можно констатировать, что местные иконы заполняли почти все пространство алтар-

ной стены и, казалось бы, приведенный текст подтверждает существующее мнение об однозначности описания местных образов в описных книгах XVI—XVII века восприятию местных рядов русских иконостасов в современном понимании. Но читая опись 1601 года дальше, узнаем, что на левой стороне (на северной стене) «7 образов местных на красках. Седмица Леонидова строения» (там же, л. 175). Из следующей монастырской описи становится известно, что «Леонидова седмица» находилась не в одном месте: «Туту на левой стороне 3 образа, а 4 образа на правой стороне у стены» (ОР РНБ, Пог. 1908, л. 195). В таком виде эта группа местных икон фиксируется всеми описями первой половины XVII века.

Опись монастырского имущества 1668 года отметила первые значительные изменения в убранстве церкви Преображения. После описания образа мученика Леонтия, стоящего у северной стены, следует описание новой иконы: «Образ местный Бориса и Глеба, да Феодора Стратилата, да Марии Магдалины да Ксении преподобные» (ОР РНБ, 0-IV-393, л. 219 об.). По-видимому, эта икона заняла место трех икон из седмицы Леонида на северной стене, сама же эта седмица более не упоминается. При описании икон в интерьере в 1668 году зафиксирован «у правого столба образ местной в киоте пречистые Богородицы сидящу на престоле с предвечным Младенцем, по сторонам в молении ростовские чудотворцы, во облаче два ангела» (там же, л. 207 об. -208). Далее — «на левом тябле того же правого (юго-западного) столпа в киоте образ местной Хвалите Господа с небес». И, наконец, «Образ местной О Тебе радуется» (там же, л. 208), правда, из текста не ясно, где он находится, но более поздние описи уточняют его место — на южной стене.

Как мы видим, во второй половине XVII века число местных икон сократилось (вместо 12 в 1601 году их стало 9, а в середине XVIII века появится еще один образ), но их все равно больше, чем могло бы разместиться вдоль восточной стены в одном ряду с верхними рядами икон. Как это объяснить?

«Вопрос иконостаса» — один из интереснейших вопросов в истории древнерусского искусства. Первая посвященная истории иконостаса работа появилась в 1859 году, но до сих пор остается неразрешенным значительный круг принципиальных проблем.

Одна из них — само понятие «иконостас». Все исследователи видят в иконостасе преграду, отделяющую алтарь и поэтому при всех расхождениях авторы сходятся на том, что иконостас есть единый организм преграды на восточной стене. Но в статье Т. В. Толстой о местном ряде Успенского собора Московского Кремля в XV — начале XVI века (Успенский собор Московского Кремля. — М., 1985, с. 100—122) мы сталкиваемся с тем, что автор рассматривает в структуре реконструируемого РЯДА иконы, находящиеся не только у восточной стены, но и у столпов. Хотя трудно представить, например, праздничный ряд, иконы которого бы находились не на линии восточной стены, а на стенах или столпах. Непоследовательность подхода к исследованию иконостаса как единого организма наиболее зримо ощутима при рассмотрении иконологических схем декора алтарной преграды, предложенных Л. В. Бетиним, которые, по-моему, можно упростить до трех:

1. способ декорирования только деисусным чином;
2. система декора иконами деисусного чина и праздников;
3. способ, при котором на алтарной преграде находились только иконы Спаса, Богородицы и храмового праздника или святого, в честь которого построен храм.

Каждая из этих схем имеет свои разновидности, определяемые особенностями храма, для которого создавалась алтарная преграда, но в первых двух случаях иконы находятся над проходом в алтарь, а в последнем — по сторонам от этого прохода.

Главным необходимо констатировать то, что все рассматриваемые типы, так называемых, схем алтарных преград не были глухими и не скрывали алтарь. Но эта тема выходит за рамки данного сообщения. Второе: предложенные схемы четко обозначают две зоны — над алтарным проходом и по сторонам от него.

Вновь обратимся к тексту описи. Как воспринимает иконы у алтарной стены составитель ее?

«В церкви Преображения по правую сторону царских дверей образы местные окладные. Далее уже приводившееся описание икон Двере царские и столбцы и сень, и на них писаны святые на золоте. В деисусе образ Спасов на престоле, да по обе стороны четырнадцать образов. Все писаны на золоте. Над деисусом Господских 18 праздников. Писаны на золоте. Над праздниками образ Богородицы Воплощения.

По обе стороны шестнадцать пророков на золоте. Над царскими дверьми на первом тябле образы окладные пядницы <...>» Затем описание икон в интерьере.

Как видим, составитель разделяет пространство восточной стены на две зоны: над царскими дверьми и в уровне с ними. Нужно отметить, что в конкретном случае — церкви Преображения Кирилло-Белозерского монастыря, высота местного ряда равна высоте трех верхних рядов. Описывая местные иконы, составитель описи не объединял их в нечто единое, каждая икона рассматривается отдельно, в то время как иконы над царскими воротами объединяются им тематически (иконографически): деисус, праздники, пророки. То есть, мы сталкиваемся с принципиально различным подходом в оценке убранства церкви.

По-видимому, такой подход можно объяснить только одним — целью составления описи: фиксация движимого и недвижимого имущества монастыря. Иконы, стоящие на тяблах над царскими дверьми, воспринимались как единый комплекс, который мог изменяться: какие-то иконы заменялись, что-то записывалось, поновлялось, но в целом он оставался единым комплексом, неразрывным с данным храмом, то есть, и это можно констатировать, материалы описей позволяют считать, что в XVI—XVII веке, а для Кириллова вплоть до конца XVIII века, верхние ряды (деисус, праздники, пророки, праотцы) воспринимались цельным иконостасным комплексом, или иконостасом. Местные же иконы воспринимались вне иконостаса. Царские врата были не столько принадлежностью иконостаса, сколько важным элементом устройства алтаря, поэтому они и избраны как точка отсчета, некая константа, при описании интерьера. Как любой единый организм, комплекс иконостаса необходимо рассматривать во взаимосвязи, но местные образы существуют вне его и они независимы от судьбы верхних рядов.

Что же скрывается за понятием «местный образ»?

Самый простой путь нахождения ответа — взять в руки словарь. Словарь русского языка XI—XVII вв. дает четкий ответ: «Местная икона (местный образ) — икона в честь престольного праздника, находившаяся в нижнем ряду иконостаса справа от царских ворот, вблизи кафедры митрополита» (т. 9, с. 111). Ясно, что составитель путает понятия местный образ и храмовая икона, и этот ответ не удовлетворителен. Нужно вспомнить, еще Е. Е. Голубинский писал о

необходимости отказаться от такого объяснения (История Русской церкви, СПб., 1911, т. 2, кн. 2, с. 343). Далее он в своем исследовании объединяет понятия местная и наместная иконы, понимая последние как собственно церковные иконы, «тогда как настенные могли быть частными иконами прихожан, отдельных лиц и целых семей» (там же). Подтверждение такому пониманию легко обнаружить в описях.

Все вещи в интерьере церкви имеют пометы об их происхождении: (о пядничном ряде) «и всего в том тябле 24 образа. Все окладные, монастырские, старые» (опись 1601 г., л. 175); «свечи и подсвечники строение старца Леонида и монастырской казны» (там же, л. 166); (о приделе св. Николая церкви Преображения) «По правую сторону царских дверей образ местной Николы Чудотворца на золоте. Другой образ Николы же Чудотворца в деянии. Венец и гривна и оклад серебряны, басмяны, золочены — Леонидово строение». (оп. 1615 г., л. 200); (о пелене местного образа Преображения) «Пелена шелковая: шелк желт да чернь, серебром царские; шелк бел лазорев, златом из монастырской казны» (опись 1601 г., л. 166). Логично в этой связи утверждать, что оценка Е. Е. Голубинским понятия «наместный», как определяющего имущественную принадлежность, распространяется и на понятие «местный образ». Следовательно, описи церковного имущества, ставя эту помету, отмечают изначальную принадлежность данной иконы храму, а не связь образа с иконостасом. То есть, иными словами, помета «местный», не мудрствуя лукаво, определяла только принадлежность конкретного образа, определенному месту (церкви) и ничего более. Таким образом, можно утверждать, что до появления цельных иконостасных рам в конце XVII—XVIII веке, местного ряда, ни как понятия, ни как конкретного ряда икон, не существовало.

Местные иконы были образами появлявшимися в храме с момента его строительства. Конечно, и они тоже могли перемещаться, но в целом они формировали интерьер церкви. По-видимому, исторически их назначение в храме восходит к тем иконам Спасителя и Богородицы, которые первоначально фланкировали алтарную преграду в целом. Такое понимание местных икон дает возможность иначе поставить вопрос об эволюции интерьера русской церкви: не только проблема увеличения числа рядов в иконостасе, но и формирование целой системы взаимодействий между иконами, на-

ходящимися в интерьере церкви. Кроме того, этот подход позволяет несколько иначе объяснить причины появления глухих алтарных стенок в русских церквях XV—XVI столетий.

Возвращаясь к поставленному в начале выступления вопросу о численности местных икон церкви Преображения, нужно сказать, что их количество может быть и значительно большим, здесь все зависело от того, насколько была продумана строителями церкви система убранства ее интерьера. Можно отметить, что не все местные иконы были равнозначны между собой: одни из них оставались неизменны на всех этапах существования церкви, другие же могли перемещаться по интерьеру, или совсем из него исчезнуть. Но об этом мы будем говорить в другом сообщении, где сделаем попытку реконструкции первоначального интерьера церкви Преображения.